

HARRY WALTER 
GREIFSWALD, DEUTSCHLAND
walter@uni-greifswald.de

НЕМЕЦКИЕ ДИАЛЕКТЫ КАК ИСТОЧНИК ФРАЗЕОЛОГИИ

Ключевые слова: фразеология, диалекты, немецкий язык, историческая фразеология

Keywords: phraseology, dialects, German, historical phraseology

Германия известна тем, что её жители могут не понять друг друга, если они живут в разных землях. Иногда даже к некоторым телепередачам, где говорят на диалектах, делают субтитры, чтобы все немцы понимали. Особенности исторического развития Германии обусловили возникновение большого количества диалектов, которые очень сильно отличаются друг от друга в лексическом, морфологическом, фонологическом и синтаксическом плане. Параллельно с ними существует литературный вариант немецкого языка (Hochdeutsch), который позволяет немецкоговорящим гражданам преодолевать коммуникативные проблемы, связанные с особенностями немецкой речи в разных регионах.

Однако по поводу Hochdeutsch необходимо сделать одно важное замечание. На немецком говорят не только в Германии, но и в Австрии, Лихтенштейне (где он выступает официальным государственным языком), в Швейцарии, Италии, Франции, Бельгии (где он является одним из официальных государственных языков). Кроме того, немецким языком активно пользуются национальные меньшинства во многих других странах мира. Если отбросить специфику многочисленных диалектов и рассмотреть литературный немецкий язык, то его варианты будут существенно отличаться в Германии, Швейцарии и Австрии. Различия проявляются в фонетике, лексике (например, в присутствии в немецком определенных заимствований из языков приграничных государств), управлении глаголов, морфологии и, конечно, во фразеологии.

Современные тенденции развития немецких диалектов характеризуются некоторым сглаживанием резких границ между ними в связи с развитием научно-технического прогресса, средств массовой информации и всеобщей интеграции. Современный разговорный немецкий язык зачастую сочетает в себе особенности разных немецких диалектов, что постепенно ведет

к некоторого рода унификации. Иногда, как ни странно, диалекты образуют новые слова и значения, которые вошли в литературный язык, потеряв свой „диалектный характер” до неузнаваемости.

На повестке дня остается всестороннее описание фразеологии диалектов, создание словарей с учетом последних достижений в области, так и всей европейской фразеографии в целом. Каждая отдельная диалектная фразеологическая единица в таком случае станет самостоятельным объектом описания и изучения, как со стороны формы, грамматики, значения, так и со стороны этимологии. Особенная ценность диалектной фразеологии и в том, что именно она нацелена на внимание к этнокультурной составляющей.

Вместе с тем в немецкоязычной лингвистике на фоне глобальных теоретических достижений все еще существует необходимость активизироваться в различных областях эмпирических исследований, что наглядно продемонстрировано в дефиците диалектных, региональных фразеологических словарей (см. Piirainen 2009: 84–86).

Лингвистический анализ отдельных фразеологизмов убедительно показывает, как местные реалии не просто определяют внутреннюю форму оборота, но и влияют на его дальнейшую судьбу. Так, до сегодня остается популярным немецкое выражение *sich wie Bolle auf dem Milchwagen (auf dem Bock) freuen (amüsieren)* (разг. шутил.): ‘очень радоваться, быть непринуждённо весёлым’ (букв. ‘развлекаться как Болле [на козлах брички; на молоковозе]’).

Особенно в Берлине распространено выражение, которое известно с конца XIX в. (Küpper 1993: 121). Его связывают с именем основателя известного берлинского молочного завода Болле. Молодые извозчики (парни Болле – *Bollejungen*) развозили молоко, сидя на козлах молоковозов и подавая сигналы звуками колокольчика. Это создавало впечатление о чём-то весёлом, бодром, радостном. Популярности сравнения способствовало и то, что оно перекликалось с припевом весёлой берлинской песни неизвестного автора: *Aber dennoch hat sich Bolle ganz köstlich amüsiert* (А Болле, несмотря ни на что, прекрасно развлекался) (Duden 2008: 123). Образ развозчиков и разносчиков молока берлинского молочного завода Болле из-за их молодости и весёлой манеры общения быстро стал популярным в городском фольклоре. В отличие от чисто народной образности сравнения с фамилией Болле его немецкий синоним *glücklich sein wie Baccus auf dem Fass* имеет интернациональные корни.

Современные исследования подтверждают региональный характер этого выражения: согласно анкетирования, проведенного в разных немецкоязычных регионах, фразему *sich wie Bolle auf dem Milchwagen (auf dem Bock) amüsieren* употребляли или просто смогли объяснить жители Берлина или выходцы оттуда (Mussner 2010: 145; Walter, Mokienko 2011: 74).

На севере Германии употребителен совет *Kommt man über den Hund, kommt man auch über den Schwanz* (посл.): ‘Если главное препятствие прео-

долено, то остальное пустяки’ (букв. Перешагнув через собаку, перешагнёшь и через её хвост). Эта немецкая фразема имеет соответствия в русском языке. Например: *Было бы начало, будет и конец. Пошло дело в завязку, дойдёт и до конца. Была бы голова, а хвост будет. Дело без конца что кобыла без хвоста.*

Пословица употребляется в качестве подбадривания того, кто уже затратил много усилий для достижения чего-л. и требуется уже совсем немного, чтобы дело завершить (см. Шекасюк 2009: 344). Она известна как в литературном языке, так и в диалектах и фиксируется фактически всеми солидными паремиологическими собраниями, напр. в фризском диалекте *Kumt em aur Hünd, da kumt em uk a ur Stört*, в г. Клеве: *Kommt gei over den Hond, dann kommt gei ök over de Start* и др. Точную её параллель находим и в голландском языке: *Komt men over de hont, dan komt men ook over den staart* (Wander 1987 II: 852).

На первый взгляд образ пословицы прозрачен, поскольку действительно, переступив через большого пса, переступаешь и его хвост. Однако многие немецкие фольклористы и историки языка реконструируют в ней иной образ, совершенно не относящийся к нашему домашнему животному. Одни считают, что слово *Hund* здесь значит народное обозначение созвездия Сириус (букв. созвездие Пса), связанного с наименованием самого жаркого времени года – *Hundstage* (букв. „Собачьи дни” – 24-го июля – 24-го августа). Получается, если это знойное время прошло, то дальше будет намного легче.

На наш взгляд, более вероятно, однако, объяснение этой пословицы на основе северо-немецкого диалекта. Так, на острове Зилт (Sylt) на северо-западе Германии, во фризском диалекте пословица имеет форму *Kumt em aur Hünd, da kumt em uk a ur Stört*, а в городе Клеве (Kleve), также на севере Германии – *Kommt gei over den Hond, dann kommt gei ök over de Start* (ср. также варианты пословицы в этих же регионах, приведенные выше). Прежде остров Зеланд (Seeland) не был отделён ни от Голландии, ни от Фламандии. Со временем море углубило реки, которые разделили этот остров и заметно расширило их. Вследствие этого и образовался сам остров. Западное устье реки было названо Западной Шельдой (*westlichen Schelde*), а в народной речи – *Hunt* или *Hunte*. Поэтому и деревня, расположенная на этой реке, была названа Хунтерниссе (*Hunternisse*). Река *Hunte* протекает недалеко от города Влиссингена (Vliessingen) по направлению к Антверпену. При западном штормовом ветре вода реки Хунте сильно подымается, а ближе к Антверпену становится мельче. Моряку, прошедшему широкую часть реки Хунте, легче плыть в своём судне по её более мелкой части, которая в народной речи и была названа „хвостом” (*Schwanz*) за её суженную форму. Лишь случайное созвучие названия реки *Hunte* с названием собаки *Hund* привело к народно-этимологическому объяснению пословицы. Так во всяком случае объясняет историю голландской и немецкой пословиц Шпренгер ван Айк (Sprenger van Eijk), а вслед за ним и Вандер (Wander 1987 II: 852, 924; Walter, Mokienko 2011: 213–214).

При всей географической живописности такого объяснения, сомнения в её истинности всё же остаются. Во-первых, сам К.Ф.В. Вандер приводит любопытную „животную” параллель с близким значением из французского языка: *Quand on a avalé boeuf, il ne faut pas s'arrêter à la queue* (букв. Проглотив быка, нельзя останавливаться на хвосте). Ещё более близкий образ имеет русская поговорка, записанная В.И. Далем: *Собаку съел, да (только) хвостом подавился*. Правда, она имеет иное значение, но характерно при этом, что значение антонимическое, укладывающееся в общую семантическую модель, где всё тело животного противопоставляется его небольшой части – хвосту: „Сделав основное дело, потерпел неудачу и не завершил его из-за мелочи”. Показательно, что эта модель имеет параллели и в других языках, напр., др.-греч. *Ολον τον βουν εφαγε, κατα δε την κερκον απηγορευσε* (букв. Целого быка съел, а на хвосте устал), *Πάντα τον βουν εφαγε κεις την ουραν απεκάμειν* (букв. Всего быка съел, а на хвост сил не хватило). Ср. также рус. *Съел волк кобылу, да дровнями подавился*; итал. *La coda è la più cattiva à scorticare* (букв. С хвоста снять шкуру труднее всего) и под. (Михельсон 1903 II: 287). Как видим, лингвистам ещё придётся потрудиться, чтобы окончательно разгадать исходный образ пословицы, которая кажется столь понятной.

Внимание к местной истории, знание диалектных особенностей языка в ряде случаев помогают объяснить странные на первый взгляд выражения. В немецком языке широко известен фразеологизм *in (aus, nach) Buxtehude* [, *wo die Hunde mit dem Schwanz bellen*] (разг): ‘где-л. очень далеко; где-л. в далёкой провинции, в тихом, захолустном месте’ (букв.: „в Букстехуде, где собаки лают хвостом”).

Оборот зафиксирован с XIX в. (Kürper 1993: 148). Букстехуде – название маленького города в районе Стаде на севере Германии, которое ассоциируется с маленьким, незначительным местом (Duden 2008: 138). В выражении этот образ шутливо усиливается, поскольку Букстехуде в северной Германии имеет то же негативное значение, что в средне- и верхненемецком *Dummsdorf, Dingskirchen, Hintertupfingen*. Однако название *Buxtehude* отличается от *Dummsdorf* и *Nirgendheim* тем, что это не выдуманный, а действительно существующий городок. Название Букстехуде часто намеренно искажается в *Buxtehusen* или *Büxenhuse*n, которые в поговорках стали символами отдаленных мест, в которых могут происходить странные, непонятные вещи (Ср. Вальтер 2007: 59–60). Например, действие известной сказки братьев Гримм о еже и зайце происходит *up de lüttje Heid bi Buxtehude* (букв. „на заброшенном поле недалеко от Букстехуде”), из чего читатель может заключить, что не только это состязание, но и само место действия является порождением народной фантазии, плодом шутки (Röhrich 2001 I: 287 сл.). Намеренную шутливость подчёркивает и частое добавление обороту *wo die Hunde mit dem Schwanz bellen*, которое является типичной фольклорной „формулой невозможного”, явным оксюмороном (Вальтер 2007: 62).

Сама структурно-семантическая модель выражения, означающая пространственную удаленность с оттенком невозможного, работает и в славянских языках, ср. бел.: *Проці ліха на ўзгорку, дзе пень на калоду брэша*.

Однако эта необычная собака, умеющая лаять хвостом, имеет и вполне логическое объяснение, связанное именно с локальными особенностями истории и языкового взаимодействия. Оказывается, Букстехуде еще в XIII в. основали голландские моряки, которые оказались довольно сообразительными и усовершенствовали местную практику звонить в колокола, ударяя их тяжёлым молотом. Голландцы привязали к колоколу, который в нидерландском языке называется *Hunte*, длинную веревку (хвост), с помощью которой и производился звон. Ну а городок стал известен как место, *wo die Hunte mit dem Schwanz läutet* – по нидерланд. „bellt”¹.

Но самым ярким примером „диалектной” истории фразеологизма является фраза, многим известная с детства: *Wenn du schön aufisst, scheint morgen [wieder] die Sonne* (разг.) (досл. Если ты доешь до конца, завтра (снова) будет светить солнце): ‘Призыв к ребенку доесть еду на тарелке до конца’. Всем известна ситуация: ребенок сидит за столом, а мама просит его доесть до конца: „Доешь до конца, тогда завтра будет хорошая погода” или „... тогда завтра будет светить солнце”. Зачастую это утверждение связано с тем, что на дне детских тарелок имеются рисунки, часто изображающие солнышко. И когда в тарелке пусто, можно увидеть этот рисунок, т.е. солнце. До определенного возраста всех маленьких детей можно „подкупить” этим, и многие родители пользуются такой маленькой уловкой, чтобы заставить своих чад съесть всю еду в тарелке до конца. Однако дети, конечно же, вскоре понимают, что солнце светит или не светит на следующий день, независимо от того, поели они или нет. Так почему же пустая тарелка должна вызывать хорошую погоду? Да еще и на следующий день?

Выражение было зафиксировано в словаре немецких пословиц К.Ф.В. Вандера в форме *’S gibt gut Wetter; ’s ist alles aufgegessen* (Wander 1987 V: 1812). Фраза буквально означает, что если за столом ничего не осталось, то будет хорошая погода”. Однако, весьма вероятно, что происхождение фразы основано на языковом недоразумении. Дело в том, что нижненемецком диалекте такое требование означает, что повар на следующий день должен будет приготовить новую еду, т.к. старую всю съели, и на стол сегодня не будут подавать вчерашнюю разогретую еду, а именно: „Wenn du dien Teller leer itst, dann giffst dat morgen goodes wedder”. А в стандартном немецком это означает: „Если ты съешь все целиком, то завтра ещё будет что-нибудь вкусное, то завтра бу-

¹ <https://www.abendblatt.de/hamburg/lebenswert/article107336230/Wieso-der-Hund-mit-dem-Schwanz-bellt.html>; <https://www.schoener-reisen.at/thread/5351-buxtehude-wo-die-hunde-mit-dem-schwanz-bellen/> (dostęp: 10 IX 2019).

дет снова что-то хорошее”. „Goodes wedder” в литературном варианте немецкого языка было интерпретировано как „хорошая погода”, а не как „что-то опять хорошее”. Эта фраза вошла в обиход достаточно быстро и используется в настоящее время на всей немецкоязычной территории, поэтому удивительно, что современные словари полностью игнорируют это популярное выражение.

Конечно, в немецком языке есть и выражение *einen Löffel für Mutti, für Papa, für Oma...* (досл. Ложку за маму, за папу, за бабушку...) или же различные виды угроз, как, например, *Wenn du nicht aufisst, bekommst du nichts zu Weihnachten (gibt es keinen Nachtisch...)* (досл. Если ты не доешь, ты ничего не получишь на Рождество) (никакого десерта ...). Этот способ мотивации детей съесть еду – универсален.

Особенная „диалектная трактовка” предполагает, что невозможно найти фразы с такой же образной основой в других языках, сравни, например, русс. *Ложечку за папу, за маму, за бабушку...*; *Если не доешь, то не вырастешь*; белор. *Гэты лыжачку за папу, гэту за маму, гэту за браціка...*; *Еш, бо што не даясі, тое будзе ноччу за табою ганяцца ды за пяты кусаць*; *Еш, бо калі не даясі, сілы ня будзе*; *Еш, прыдзе з'есць такі і такі*; укр. *А підеш зі мною до лікаря (в магазин, до бабусі тощо) – дам цукерку, морозиво і т.д.*; *З'їж шматочок, бо буде бігати за тобою!*; *Хороші діти – завжди лишают чисті тарілки*; *Допоки не доїси кашу – з-за столу не встанеш*, пол. *za tatę, za tatę, za babcię, za dziadka, za siostrę, za brata...*; *Musisz jeść, bo nie urośniesz!* tschech. *[jednou lžičku] za tatínka; za maminku, za babičku; Když to všechno sníš, budeš velký a silný! ... budeš taaaaakhle velký!*

Вместе с тем немецкий диалектный оборот актуализировал семиотический статус пищи в традиционном обществе, предписывающий регламентацию поведения за столом. Практически неразработанной остается тема кормления ребенка, до нашего времени сохраняющая глубокие мифологические мотивы. Сам мир детства с его верою в чудеса и сверхъестественное наполнен архаическими многозначными сюжетами и образами. И связанными с едой в том числе. Достаточно вспомнить общеславянское наименование первой пищи – материнского молока – *мамкой*, а хлеба как первой твердой пищи – *панкой*. Так и обращенные к ребенку просьбы доесть еду имеют основой не только заботу о его сытости, но и стремление оградить маленького человека от опасностей внешнего мира. В диалектной фразеологии белорусов в этой сфере устойчив мотив „чужого”: ребенка пугали *Еш, бо цыганы сніцца будуць*; *Еш, а то цыган ноччу прыдзе і заберыць*; *З'еш, а то жабракі з торбамі сніцца будуць*. И у славян, и у немцев универсален мотив утешения, от угрозы лишиться подарка, особенно рождественского, до более популярного сегодня запугивания Бабаем или персонажем из какого-либо мультфильма.

Проанализированные примеры демонстрируют лишь стартовые, но перспективные и многообещающие возможности погружения в историю и культуру народа.

SUMMARY

GERMAN DIALECTS AS A SOURCE OF PHRASEOLOGY

Germany is known for the fact that its inhabitants may not understand each other if they live in different parts of the country. Sometimes even some TV shows, where they speak dialects, make subtitles so that all Germans understand the speech. Features of the historical development of Germany have caused the emergence of a large number of dialects, which are very different from each other in lexical, morphological, phonological and syntax. In parallel with them there is a literary version of the German language (*Hochdeutsch*), which allows German-speaking citizens to overcome the communicative problems associated with the peculiarities of German speech in different regions. Current trends in the development of German dialects are characterized by some smoothing of sharp boundaries between them in connection with the development of scientific and technological progress, the media and universal integration.

The paper discusses the influence of dialectal forms on the development of the literary language and shows this fact at concrete examples: *wie Bolle auf dem Milchwagen*; *in Buxtehude, wo die Hund emit dem Schwanz bellen*; *wenn du aufisst, wird schönes Wetter*. Because of their dialectal origin, there are no total equivalents in other languages for these phrases.